

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 1

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1998

Коран (араб. ал-Кур'ан) в России. Утверждение в России христианства, уничтожение оплота православия — Византийской империи после захвата в 1453 г. Константинополя турками, вековое противостояние с мусульманскими государствами Волги и Крыма, военная и политическая борьба с Османской Турцией предопределили преобладание жанра полемической религиозно-политической публицистики в качестве основного в корпусе русскоязычной литературы о К. и исламе в целом. С другой стороны, постепенное включение в состав Российской империи все большего числа территорий с мусульманским населением и необходимость обеспечения его лояльности требовали как объективной информации о религиозных верованиях и традициях, так и уважения к ним. История изучения и переводов К. в России неразрывно связана с этими двумя тенденциями.

Долгое время основным источником сведений об исламе и К. служили в России переводы с греческого, латинского, польского антимусульманских религиозно-философских трактатов и исторических трудов. В течение нескольких столетий именно взятые из этих сочинений крайне искаженные сведения о К. и пророке Мухаммаде, об основных догматах ислама заполняли исторические, историко-литературные, популярные труды на русском языке, которые в целом были пронизаны религиозной нетерпимостью. Антиисламские памфлеты служили идеологическим обоснованием борьбы с Высокой Портой и ее вассалами. Таковы «Ответы христианам противу агарян, хулящих нашу православную веру христианскую», «Слово обличительно на агарянску прелесть и умыслившего ее скверного пса Моамеда», принадлежащие перу церковного писателя и философствующего богослова Максима Грека (ок. 1475—1555). По своему пафосу работы Максима Грека близки составленному Петром Достопочтенным (1092—1156) «Толедскому сборнику» — своду и опровержению мусульманского вероучения, включавшему в себя первый латинский перевод К. и вплоть до XVII в. сохранявшему значение основного свода материалов для ознакомления с исламом и идейной полемики с ним в Европе.

В 1552 г. армия Ивана Грозного штурмом взяла Казань. Россия начинает утверждаться в своем превосходстве над мусульманскими соседями. Страх постепенно вытесняется позитивным интересом к культуре и образу жизни исламских народов. В работах ученика Максима Грека — Андрея Курбского (1528—1583) и современника последнего, публициста Ивана Пересветова, ратовавшего за присоединение Казанского ханства, проявилась уже большая осведомленность о предмете. В некоторой степени их воззрения сближались со взглядами таких западноев-

ропейских теологов и публицистов, как Николай Кузанский (1401—1464) и Хуан де Сеговия (1400—1458). Жизнь и деятельность Андрея Курбского и Ивана Пересветова были связаны с западными областями Руси и Литвой. Здесь же, в Литве, в XV—XVII вв. был осуществлен и первый перевод К. с арабского языка на славянский, а именно на белорусский язык. Перевод был выполнен в среде татар, состоявших на службе у литовских князей. Типологической параллелью этому переводу может служить современный ему перевод К. на мусульмано-испанский (*алхаммадо*).

Появление первого на русском языке сочинения, специально посвященного К., относится к концу XVII в. В 1683 г. в Чернигове был напечатан составленный на польском языке ректором Киево-Могилянской коллегии (позднее — Академии) и знаменитым православным полемистом Иоанникийем Галатовским (ум. в 1688 г.) трактат «Алкоран Магометов от Когелета Христова, разрушенный и ни во что обращенный». В книге из 12 глав имелось посвящение Иоанну и Петру — будущему императору России. В этой связи был заказан ее русский перевод, выполненный переводчиком Посольского приказа С. И. Гадзеловским (сохранился в рукописи).

Именно Петру I принадлежат первые инициативы по научному изучению, переводу и распространению К. в России. В контексте своей восточной политики Петр I предпринял целую серию мероприятий, положивших начало систематическому изучению мусульманского Востока. По его приказу в 1716 г. в Петербурге был напечатан первый перевод К. на русский язык, выполненный неизвестным переводчиком (приписывался то Дмитрию Кантемиру, то Петру Посникову) с французского перевода, принадлежавшего дипломату и востоковеду Андрею дю Рие (1580?—1660?) (напечатан в Париже в 1647 г., выдержал пять изданий и помимо России переведен в Англии, Голландии и Германии). Опубликованный русский перевод назывался «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий» и включал также перевод авторского предисловия *Sommaire de la Religion des Turks*. Хотя переводчик не только повторил, но и умножил ошибки дю Рие, его труд привлек внимание к К. и отразил растущий интерес к Востоку. Несколько годами позднее труд дю Рие был переведен на русский язык еще раз Петром Посниковым (конец XVII — первая треть XVIII в.), врачом, философом и дипломатом, доктором Падуанского университета. Этот несколько более точный перевод сохранился в двух рукописях: в БАН в Санкт-Петербурге и в МГАМИД в Москве.

Нуждаясь в более подробной информации о предмете, Петр I поручил своему соратнику, молдавскому господарю князю Дмитрию Кантемиру (1673—1723), крупному государственному деятелю и ученому (члену Берлинской академии наук), вынес-

Копія.

Литвиншинъ Синодъ,

Книжъ которъ переводитъ съ развѣдочной славянскою
народу съ итальянскаго языка, другъ которъ переводитъ
и князь континентъ амазонитанскою, законитъ. Если на-
писаными тѣмъ туркитице свѣдѣннѣмъ. Бурже него
тѣмъ. Вѣдѣтѣ темѣнно написаными и туркитице,

Углатиннаго писма тѣмъ писма Юна, Пѣтѣ,

Изъ Астрахани
въ св. 18. 1722 г.

таково писмо тѣмъ писма Юна, Пѣтѣ
Юна Борисъ Овдарицъ съ мажарскою, свѣдѣтѣ въ 17. 1722 г.
и тѣмъ писмо тѣмъ писма Юна, Пѣтѣ, тѣмъ писма Юна,
секретаря,

+

Въ свѣдѣтѣ Юна, Пѣтѣ, № 21;

А Л К О Р А Н Ъ
О
М А Г О М Е Т Ъ

ИЛИ

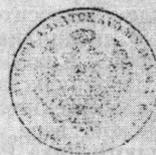
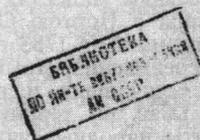
ЗАКОНЪ ТУРЕЦКІИ.

ПРЕВЕДЕННИ СЪ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РОССІЙСКІИ.

НАПЕЧАТАСА ПОВЕЛѢНІЕМЪ

ЦАРСКАГО

ВЕЛІЧЕСТВА.

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРЪБУРГСКОЙ ТИПОГРАФІИ,
1716 ГОДУ, ВЪ МѢСЯЦѢ ДЕКЕМВРІИ.

шему из пребывания в Турции хорошее знание ислама и восточных языков, составить подробное изложение содержания К. и жизнеописания Мухаммада. Переводной (с латыни) труд Д. Кантемира «Книга систима, или Состояние Мухамеданския религия» был опубликован в С.-Петербурге в 1722 г. Возможно, рукопись именно этой книги Петр I срочно требовал к себе в Астрахань специальным письмом от 18 июля 1722 г., т. е. в день начала своего Персидского похода. В том же году была организована и первая в России типография с передвижным арабским шрифтом. Рост русских интересов на Востоке вызвал появление в течение XVIII в. целого ряда сочинений аналогичного содержания. Они пользовались большой популярностью и неоднократно переиздавались. К концу века в русских периодических изданиях, предназначенных главным образом для развлекательного чтения, довольно часто стали появляться как переводные, так и оригинальные материалы об исламе и К., по-прежнему трактовавшемся как «бесловие Мухаммедово».

Новый период в истории К. в России связан с правлением Екатерины II. Победы в войнах с Турцией, присоединение Крыма и других областей с мусульманским населением потребовали срочных мер по организации управления ими и умиротворению населения. Осознание плачевных для интересов государства результатов деятельности основанной по именному указу Анны Иоанновны Казанской новокрещенской конторы (1740—1764) и ее одиозного главы Луки Конашевича привело к появлению в манифесте от 17 марта 1775 г. «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою» и особенно в грамоте от 1783 г., выданной по случаю присоединения Крыма, ряда положений, обеспечивавших и регулировавших права мусульман на территории империи. Были открыты народные училища с преподаванием татарского, персидского, арабского языков. Позднее в ряде университетов были введены востоковедные дисциплины, в том числе занятия К. с чтением и комментированием отдельных отрывков текста. К. по-прежнему оставался «лжеучением», противоречившим христианской вере, религией давнего и жестокого противника Российской империи. В XVIII—XIX вв. эта тенденция получила особое развитие в работах ряда студентов и преподавателей Казанской духовной академии.

По указу Екатерины II в 1787 г. в Петербурге впервые в России был напечатан полный арабский текст К. для бесплатной раздачи «киргизцам». Одновременно с этим было отдано распоряжение о строительстве мечетей на государственный счет. По словам самой Екатерины II, оба эти мероприятия были осуществлены «не для введения Магометанства, но для приманки на уд». К. был напечатан специально отлитым для этой цели шрифтом, который воспроизводил почерк

одного из лучших каллиграфов и превосходил все арабские шрифты, существовавшие тогда в типографиях Европы. Это издание существенно отличалось от европейских прежде всего тем, что носило мусульманский характер: текст к печати был подготовлен *муллою* Усманом Исма'илом. В Петербурге с 1789 по 1798 г. вышло 5 изданий К.

Указом от 15 декабря 1800 г. были сняты ограничения на публикацию в России исламской религиозной литературы. В 1801—1802 гг. отлитый в Петербурге арабский шрифт был передан в Казань, где открылась первая мусульманская типография. С 1802 по 1859 г. в Казани этот текст, получивший высокую оценку европейских ориенталистов, выдержал множество изданий (было опубликовано до 150 тыс. экземпляров полного текста) и, по существу, вытеснил в Европе предшествовавшие издания К. Так называемые казанские Кораны, воспринятые как первое мусульманское издание, получили широкое хождение и неоднократно воспроизводились на Востоке. В конечном счете, возможно, именно они сыграли решающую роль в многовековом процессе закрепления единообразия текста К. Одним из достижений издателей была публикация в издании 1857 г. наряду с основным текстом в редакции Хафса коранических вариантов (*ал-кира'ат*), воспроизводящих традицию «семи чтений». Это была уникальная попытка приблизиться к уровню критического издания, повторенная впоследствии рядом восточных перепечаток.

Почти одновременно с текстом К. были опубликованы два новых его перевода, сыгравшие заметную роль в культурной жизни России. Автором перевода, опубликованного в 1790 г. (опять с французского перевода дю Рие), был известный русский литератор М. И. Вережкин (1732—1795), первый директор Казанской гимназии, где его стараниями было введено, в частности, преподавание восточных языков.

Два года спустя в Петербурге появился перевод К., сделанный поэтом А. Колмаковым (ум. 1804), на этот раз с отражавшего новый уровень европейской ориенталистики английского перевода, принадлежавшего Дж. Сэйлю (1697—1736). Труд Дж. Сэйля, основанный главным образом на комментариях ал-Байдави, аз-Замахшари и *тафсира* ал-Джалалайн, вышел в Лондоне в 1734 г. Эта работа, как и «Предварительные замечания» к ней, на долгие годы определила уровень изучения и понимания К. в Европе. Она выдержала 5 изданий и помимо русского была переведена на немецкий и французский языки.

Однако именно переводу М. И. Вережкина суждено было сыграть важную роль в истории русской литературы. Талантливый и плодовитый ученый, комедиограф и переводчик (его наследие достигает 146 томов), член Российской и Императорской Академии наук, М. И. Вережкин сумел придать своему переводу высокие литературные качества.

Он вдохновил А. С. Пушкина на создание в 1824 г. поэтического переложения фрагментов тридцати трех *сур* — знаменитых «Подражаний Корану». Коранические реминисценции находят также и в ряде других произведений поэта (например, «Пророк»).

Интерес А. С. Пушкина к К. во многом связан с противоречивыми тенденциями в оценке ислама европейскими романтиками. Представители романтизма, стремясь освободиться от духа «Энциклопедии», обратились к древности, библейской истории, крестовым походам, Востоку. В это же время все более укрепляется представление о самостоятельности европейской культуры.

Творения А. С. Пушкина способствовали заметному росту интереса к К. в самых широких кругах русских читателей. К. интересуются П. Я. Чаадаев, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев. Прекрасный переводчик восточной поэзии М. Л. Михайлов (1829—1865) опубликовал фрагменты К. в стихотворном переводе.

В 1864 г. вышел в свет последний русский перевод К., выполненный не с оригинала. Он принадлежал перу К. Николаева и был сделан с французского перевода известного востоковеда и дипломата А. Б. Казимирского, сохранявшего популярность во Франции вплоть до 1920-х гг. Перевод К. Николаева был связан по своему происхождению с кругом славянофилов и обладал высокими литературными достоинствами. Во второй половине XIX в. этот труд, избавивший читателей от необходимости обращаться к старым трудночитаемым переводам, выдержал 5 изданий.

В 1859 г. на средства, предоставленные членом Синода русской православной церкви архиепископом Казанским Георгием (с тем чтобы часть экземпляров была передана в Казанскую духовную академию, где стараниями владыки было открыто отделение восточных языков), был издан «Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги». Труд принадлежал перу Мирзы Мухаммада Али Гаджи Касим-оглы (Александра Касимовича) Казем-Бека (1802—1870), принявшего христианство в 1821 г. от шотландских миссионеров, «патриарха русского ориентализма», создателя казанской школы востоковедов, первого декана факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, члена-корреспондента Петербургской Академии наук и множества зарубежных научных обществ.

Работа над «Конкордансом» продолжалась более 25 лет (с 1834 г.) и неоднократно прерывалась как в связи с личными обстоятельствами жизни автора, так и из-за опасений, что публикации подобных работ в Калькутте (Нуджум ал-Фуркан, начало публикации — 1836 г.) и в Лейпциге (*Concordantiae Corani Arabicae* Г. Флогеля, 1842 г.) обесмыслят многолетний труд. Однако особенности и достоинства подхода А. Казем-Бека (его «Конкорданс» построен

не по этимологическому принципу — словарные гнезда расположены в простом алфавитном порядке, весьма удобным для неарабистов, и содержат все контексты употребления) убедили автора в необходимости его издания. В 1855 г. А. Казем-Бек за свой труд (тогда еще рукописный) был удостоен персидского ордена Льва и Солнца первой степени. Книга, изданная на деньги православной церкви, вызвала нападки невежественных ортодоксов, обвинявших автора в попытках пропаганды ислама за православный счет. А. Казем-Беку пришлось публично разъяснять характер и важность своего труда.

Появление этой работы стало свидетельством преодоления отечественным исламоведением многовекового отрыва от западной ориенталистики. В это время в России складываются имеющие мировое значение рукописные коллекции (Азиатский музей Петербургской Академии наук, Публичная библиотека), включающие значительное количество первоклассных рукописей К. (см. ниже). В 1863 г. в Казани И. Ф. Готвальдом (1813—1897), а затем в 1881 г. в Санкт-Петербурге В. Ф. Гиргасом (1835—1887) были составлены и опубликованы словари к К., и, наконец, в 70-х гг. XIX в. в России были сделаны два первых русских перевода К., выполненные непосредственно с первоисточника. Первый перевод (завершен в 1871 г.) принадлежал генералу Д. Н. Богуславскому (1826—1893), вольнослушателю Восточного факультета Петербургского университета, первому приставу при Шамиле в Санкт-Петербурге и Калуге, многие годы служившему *драгоманом* русского посольства в Константинополе. Его перевод отличался высокой точностью и незаурядными литературными достоинствами, однако после публикации в 1878 г. в Казани перевода Г. С. Саблукова (1804—1880) он решил отказаться от издания своей работы.

Перевод Г. С. Саблукова явился важнейшим достижением «казанской школы» исламоведения, связанной с православной миссионерской деятельностью. Представители этой школы охотно пользовались европейскими исследованиями, переводили их (например, «Историко-критическое введение в Коран» Г. Вейля, вышедшее в Казани в 1875 г. в переводе Е. Малова), причем критический пафос западных исследователей еще более усиливался в русских переработках. Перу представителей этой школы принадлежит множество работ, однако лишь Г. С. Саблукову удалось создать оригинальные исследования. Помимо перевода К. Г. С. Саблуков в 1879 г. выпустил «Приложение» — в то время лучший в Европе указатель к К. Уже после смерти автора, в 1884 г., был опубликован и его обзорный труд о К. В выборе материалов Г. С. Саблуков сознательно ограничился собственно мусульманской литературой по предмету. Перевод Г. С. Саблукова был многократно переиздан (к изданию 1907 г. был приложен и арабский текст) и вплоть до 1961 г.

удовлетворял нужды науки и разнообразные запросы русского читателя.

Хотя в отличие от ряда других деятелей «казанской школы» Г. С. Саблуков исповедовал весьма умеренные взгляды, они тем не менее в целом вполне соответствовали общему полемическому настрою, характерному для востоковедов — миссионеров Казанской духовной академии. Уже к концу XIX в. стало ясно, что жесткая идеологическая заданность исламоведческих работ представителей этой школы привела к тому, что значение их трудов в своей совокупности или отрицательно, или совершенно незначительно. С этим, возможно, связана и трагедия всей жизни Г. С. Саблукова. Превращение талантливого востоковеда, археолога и историка в востоковеда-миссионера не могло не сказаться на направленности его научных работ и их качестве. Миссионерская заданность коранических штудий Г. С. Саблукова особенно ярко проявилась во второй части его работы «Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения», посвященной рассмотрению «внутренних качеств Корана».

Переводы XIX в. по большей части восходили к мусульманской традиции и воспроизводили поэтому понимание К., характерное для эпохи и социально-культурного окружения того или иного мусульманского эссеиста или группы авторов. Если говорить о русских переводах, то труд Г. С. Саблукова был основан на сочинениях, популярных в татарской среде, Д. Н. Богуславского — главным образом на турецком сочинении «Тафсир ал-Мавакиб» Исма'ила Фарруха (ум. в 1840 г.), в свою очередь использовавшего в качестве основы персидский «Тафсир Хусайни» Хусайна Ва'иза (ум. в 1505 г.). Популярный четырехтомный комментарий к К. Э. Уэрри отражал соответствующую индийскую традицию. Такой подход диктовался во многом практическими потребностями и запросами эпохи. Перевод Г. С. Саблукова возник из необходимости иметь адекватное представление о «татарском исламе», что было исключительно важно для успеха миссионерской деятельности. Труд генерала Д. Н. Богуславского, на протяжении долгих лет связанного с проведением внешней политики России на Востоке, был попыткой передать понимание священной книги ислама у мусульманских соседей России. Подход Д. Н. Богуславского к материалу и задачи, которые он перед собой ставил, во многом близки ко взглядам А. Казимирского, также долгие годы служившего переводчиком на Востоке. В этой связи закономерен и интерес англичанина Э. Уэрри к пониманию К. в Британской Индии.

Вторая половина XIX в. — период резкого усиления влияния России на Среднем Востоке и в Центральной Азии. 1868 год ознаменовался присоединением к России Туркестанского края. В состав империи наряду с мусульманскими народами, которые жили в ее границах прежде, вошло многомилли-

онное мусульманское население, сохранившее структуру своих отношений в рамках мира ислама и многовековую традицию толкования К. На фоне роста панисламской и пантюрецкой пропаганды и беспорядков на мусульманских окраинах России власти приступили к разработке системы мер, призванных, с одной стороны, ограничить панисламскую и пантюрецкую пропаганду, с другой — обеспечить полноценное участие мусульманских подданных в жизни империи. Последнее было немыслимо без уважения их культурных и религиозных традиций. Неоднократно обновляются как процедура, так и текст судебной (первая редакция — 1831 г.) и воинской (первые редакции — 1859–62 гг.) присяги для мусульман на К. В этих правилах от 1892 г., в частности, отмечалось, что «самый Коран, в знак благоговения, должен быть положен на пелену из чистой шелковой материи и поставлен на налож или столик, вышиною по крайней мере в аршин».

Среди мусульманских народов России начиналось религиозно-национальное возрождение. В работах Мусы Джарулла Бигиева (Биги, 1875–1949), Атауллы Баязитова (оба были в разное время *имами-хатибами* Санкт-Петербургской мечети) и других мусульманских авторов, писавших как на своих национальных языках, так и по-арабски и по-русски, можно найти идеи возрождения ислама, близкие тем, что волновали *саййида* Ахмад-хана (1817–1898), Джамал ад-дина ал-Афгани (1839–1909), Мухаммада 'Абду (1849–1905), Рашида Риду (1865–1935) (см., например, Тафсир ал-Манар, принадлежащий перу двух последних). В развернувшейся с конца XIX в. в среде российскоподданных мусульман ожесточенной идейной полемике между «прогрессистами-обновленцами» и «традиционалистами» (в русской терминологии джадидистами и кадимистами) обе стороны активно использовали К. для обоснования своих позиций.

Большой размах получила в России мусульманская печать. В восьми городах России существовали типографии с арабским шрифтом. По подсчетам А. Б. Халидова, с 1787 по 1917 г. в России вышло 172 издания К., 191 издание подборок *сур* (*хафтиак*), более ста изданий отдельных *сур* (*сувар мин ал-Кур'ан*). Широко издавались также молитвенники, своеобразные обереги (*догалык*), основанные на К. и магических заклинаниях.

Власти неоднократно принимали меры к усилению цензуры мусульманской печати, периодически запрещали публикацию *тафсиров*, ввоз книг из-за границы и т. п. В 1905–1907 гг. активно обсуждался проект введения государственной монополии на мусульманские издания.

В 1911–1914 гг. предпринимались попытки перевода К. на татарский и азербайджанский языки.

К. читался в ходе специальной службы, организованной Санкт-Петербургской мусульманской общиной по поводу смерти брата Ни-

колая II — Великого князя Георгия (1871—1899), и при закладке Санкт-Петербургской Соборной мечети (1910 г.), расположенной в центре столицы империи, неподалеку от усыпальницы Романовых. Одновременно К. становился знаменем многочисленных антирусских выступлений, начавшихся в Средней Азии в 1916 г. и продолжавшихся в мусульманских районах СССР вплоть до 1931 г. В этом проявлялись разнонаправленные социальные и идеологические процессы, характерные для среды российскоподданных мусульман рубежа XIX—XX вв.

На рубеже веков появляются работы В. В. Бартольда (1869—1930), А. Е. Крымского (1871—1941), А. Ф. Шebuнина (1867—?), в той или иной степени связанные с К. Их исследования в целом были посвящены проблемам, общим для европейской коранистики. С учебными целями А. Е. Крымским (1905 г.) был издан комментированный перевод ряда *сур*. К. продолжал вдохновлять и русских литераторов. Так, И. А. Бунин выбрал коранические строки эпитафиями для целого ряда стихов и пытался перевести отрывки из шестой *суры* К.

Революция 1917 г., с одной стороны, усилила центробежные тенденции в мусульманских областях России (возникновение *эмиратов*, *имаматов* и ханств, где К. объявлялся идеологической основой режима), с другой — привела к попыткам вовлечения мусульман в революционную борьбу с целью экспорта коммунистической идеологии на Восток. В рамках такой политики большевики приняли решение о возвращении мусульманам ряда святынь в Оренбурге, Казани, в Средней Азии и на Кавказе. В ходе съезда мусульман, состоявшегося в Петрограде в декабре 1917 г., по прямому указанию В. И. Ленина мусульманской общине был возвращен «Коран Османа», хранившийся в Санкт-Петербургской публичной библиотеке (выезден из Самарканда в 1869 г. по распоряжению генерал-губернатора Туркестанского края К. П. фон Кауфмана). Отголоски идей таких деятелей большевистской революции, как М. С. Султан-Галиев (ок. 1880 — расстрелян в 1940 г.), можно найти в наследии лидера алжирской революции Ахмада Бен Беллы (род. в 1919 г.), в трудах, в том числе в *тафсире*, знаменитого иранского теолога 'Али Шари'ати (ум. в 1977 г.). В то же время перу другого современника революции, упомянутого выше М. Дж. Бигиева, принадлежит и написанное в 1920 г., по-видимому, первое развернутое мусульманское антикоммунистическое сочинение *Islamiet Elifbası* («Азбука исламизма»), направленное против «Азбуки коммунизма» Н. И. Бухарина. Развитие этих идей М. Дж. Бигиева легко найти в знаменитом *тафсире* идеолога организации «Братья-мусульмане» Саййида Кутба (1906 — казнен в 1966 г.) Фи зилал ал-Кур'ан («Под сенью Корана», написан в 1963—1964 гг.).

Начало в 1928 г. форсированного строительства государственного социализма в

СССР сопровождалось мощной антирелигиозной кампанией. Наряду с текстом Библии К. попал в составленный под руководством Н. К. Крупской список книг, подлежащих изъятию из массовых библиотек. Росла атеистическая пропаганда, в ходе которой «разоблачался» и К. В ряде областей стало небезопасным не только держать в доме печатный или рукописный текст К., но и любую книгу, написанную в арабской графике. Это привело к массовой гибели рукописей, лишь малая часть которых была спасена археографическими экспедициями АН СССР.

К началу XX в. европейская наука накопила достаточно материала, чтобы поставить задачу осуществления перевода К. на основании оригинальных научных разработок. В России такая задача была поставлена академиком И. Ю. Крачковским (1883—1951), который одним из первых поднял вопрос о необходимости качественно нового подхода к переводу К. Рассматривая К. как памятник определенной эпохи и среды, он попытался избежать влияния традиционных толкований и поставил задачу создать адекватный литературный перевод. При этом И. Ю. Крачковский опирался на материалы современной К. языковой среды, стремился искать объяснения малопонятным местам текста в самом К. В 1921—1930 гг. им был подготовлен рабочий перевод текста, комментарии к которому дополнялись вплоть до смерти автора.

Перевод И. Ю. Крачковского был включен в план публикаций изд-ва «Всемирная литература», однако издание было отвергнуто А. А. Ждановым и осталось в рукописи. Этот перевод, опубликованный посмертно в 1963 г. и многократно переизданный (начиная с 1986 г.), не был подготовлен автором к печати и, по существу, является публикацией архивных материалов, сохраняя в ряде случаев форму подстрочника. Тем не менее по характеру подхода к тексту и филологической точности труд И. Ю. Крачковского превосходит не только все русские, но и многие европейские переводы. Анализ перевода и комментариев показывает, что последовательное воплощение намеченного автором подхода к тексту требовало от него, по существу, пересмотра принятых в его время методов исследования, отказа от многих научных представлений. Поскольку работа осталась неоконченной, мы не можем судить о том, насколько последовательно автор был готов применять избранный им метод. Закончить свой труд помешали И. Ю. Крачковскому условия, в которые было поставлено научное исламоведение в СССР. По характеру подхода к тексту перевод И. Ю. Крачковского в наибольшей степени близок французскому переводу Р. Бляшера (опубликован в 1949—1950 гг.) и немецкому переводу Р. Парета (опубликован в 1963—1966 гг.).

Работа И. Ю. Крачковского над переводом совпала с началом кризиса советского исламоведения, связанного с тем, что подход к К. и методы его анализа определялись в первую очередь задачами атеистической

пропаганды. Именно в русле атеистических задач Н. А. Морозов предпринял попытку (1930) объявить X—XI вв. временем возникновения, а XIV в. (эпоху *султана Османа I*) — временем фиксации К. В 1930-х гг. несколько московских ученых во главе с Е. А. Беляевым выдвинули гипотезу о создании К. группой лиц. Их подход к изучению К. опирался во многом на гиперкритические работы таких западных востоковедов, как Г. Вейль, Х. Хиршфельд, Л. Каэтани. Отношение к предмету изучения, ненаучный характер методики исследования и полученных выводов, тенденциозный, некритичный подбор материала из европейских исследований сближают работы 30-х гг. упомянутых советских авторов с сочинениями представителей казанской миссионерской школы. Вульгарно-материалистический и воинственно-атеистический характер работ первых, по существу, смыкался с идеалистическим и подчеркнуто миссионерским подходом вторых.

В этом отношении труд И. Ю. Крачковского, статьи К. С. Кашталевой (1897—1939) по терминологии К., этнографические штудии И. Н. Винникова, исследования В. В. Бартольда, опиравшиеся на анализ источников, резко выделялись на общем фоне. Болезненный процесс освобождения от догматического подхода 30—40-х гг. в советском исламоведении проходил неровно. Попытки преодоления наиболее одиозных крайностей этого подхода были предприняты, в частности, И. П. Петрушевским. Сочинения коранического круга изучались в первую очередь с лингвистическими целями (например, работа А. К. Боровкова). Однако вплоть до начала 90-х гг. продолжали активно публиковаться имевшие лишь самое отдаленное отношение к науке работы авторов (Л. И. Климович, А. В. Авксентьев и Р. Р. Мавмонтов, С. И. Джаббаров и др.), занимавших воинственно-атеистическую позицию.

Новый этап в изучении ислама и К. в СССР был связан с осознанием на официальном уровне в начале 1980-х гг. необходимости адекватного анализа процессов и событий на Ближнем и Среднем Востоке (мусульманский фундаментализм, иранская революция, советское вторжение в Афганистан). В 1980 г. в Ташкенте прошло Всесоюзное совещание, призванное наметить основные направления изучения ислама в СССР в новых условиях. Материалы совещания, опубликованные с грифом «Для служебного пользования», отразили растущую озабоченность как ученых, так и практических работников уровнем и характером изучения ислама. Результаты совещания и ряд решений, принятых на официальном уровне, позволили подготовить и опубликовать ряд коллективных работ и монографий, достойно продолживших русскую академическую традицию (особенно работы П. А. Грязневича, М. Б. Пиотровского, С. М. Прозорова).

Начало перестройки ознаменовалось резким всплеском интереса к религии в целом. Массовым тиражом были переизданы не

только переводы И. Ю. Крачковского и Г. С. Саблукова, но и ряд работ деятелей «мусульманского возрождения» начала века. Стало возможным издание перевода Д. Н. Богуславского.

Публикации переводов К., как и прежде, отражали господствующие в обществе идеологические процессы. Практическая недоступность текста, вышедшего ограниченным тиражом и распространявшегося под «неусыпным контролем» идеологических отделов горкомов и обкомов, вызвала публикацию перевода И. Ю. Крачковского эмигрантскими издательствами (1983, 1989, Нью-Йорк). С началом перестройки следует целая серия из тринадцати перепечаток, осуществленных в 1986—1991 гг. в Москве, Душанбе, Баку и Ташкенте государственными (в том числе «Физкультура и спорт!») и частными издательствами, совместными предприятиями (К. приносил хороший доход) и даже журналом Заря Востока, печатавшим перевод К. на протяжении 12 номеров 1990 г. и гарантировавшим тем самым значительный рост числа своих подписчиков. Чеченское издательство опубликовало текст перевода И. Ю. Крачковского без указания имени автора перевода. В 1990—1991 гг. пять переизданий выдержал перевод Г. С. Саблукова (Москва, Казань).

В этот же период вновь были созданы переводы, основанные на мусульманской традиции (М.-Н. Османов, В. М. Порохова, анонимный перевод движения Ахмадия — два последних выполнены с подстрочника). Предпринята попытка создания стихотворного перевода (Т. А. Шумовский). Исламские пропагандистские центры в Иране, Пакистане, Саудовской Аравии, Турции финансируют издание и распространение на территории России и других стран СНГ специальных учебных пособий, переводов на русский и национальные языки современных *тафси-ров*, финансируются программы перевода К. на языки народов Средней Азии и Кавказа. Одним из первых таких переводов стал труд Ж. М. Истаева (пер. на казахский язык, 1991, см. также работу И. Агаева). В Россию и другие страны СНГ ввезены сотни тысяч экземпляров арабского текста К. для бесплатного распространения среди верующих. Переиздания арабского текста осуществляли и Духовные управления мусульман: в таких изданиях, появившихся в советское время (1923, 1956 гг.), по-прежнему использовался текст старых казанских изданий К., который был заменен текстом официального каирского издания 1919—1928 гг. только в издании, выпущенном в Ташкенте в 1960 г. и ставшем образцом для последних публикаций.

В ходе дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве и сложения здесь различных типов государственных образований К. приобретает статус одного из символов государственности (президентская присяга на К. в ряде государств СНГ и субъектов РФ) и объявляется одним из основных источников права (Чечня). В этом

отношении социальная и политическая практика в мусульманских районах бывшего СССР следует за традициями, господствующими сегодня в ряде мусульманских государств Азии и Африки.

Приоритетной задачей российской коранистики является реализация замысла И. Ю. Крачковского по подготовке филологически точного, литературно адекватного академического перевода К. с комплексным комментарием и справочным аппаратом. Основной такой работы, которая в современных условиях должна осуществляться группой специалистов, могут стать исследования племенных диалектов, языка и структуры текста К. с использованием современных методик. Не менее важно изучение истории культуры Южной Аравии, Набатеи, длительного процесса формирования «культурного симбиоза» в оседлых центрах Внутренней Аравии с гетерогенным населением.

Переводы К.: Алкоран о Магомете, или Закон турецкий, переведенный с французского языка на российский. Напечатан повелением Царского Величества в Санкт-Петербургской типографии, 1716 году, в месяце декабря; Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков божиих. Перевод с арабского на французский язык *Андрея дю-Рюэра-де ла Гару Малезера*, одного из поместных дворян короля Французского, достохвально и через многие годы служившего отечеству своему, при Порте Оттоманской снискавшего полную доверенность султана Амурата Третьего, что был от него послан к Лудовику третьему — на десять с важными препоручениями. Печатана в Амстердаме и Лейпциге в 1770 г., по российски же переложена в селце Николаеве Слинской округи, 1790 г. [М. И. *Веревкиным*]. Ч. 1—2. СПб., 1790; Ал-Коран Магомедов, переведенный с арабского на английский с приобщением к каждой главе на все темные места изъяснительных исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Ал Корана *Георгием Сейлем* и с присовокуплением обстоятельного и подробного описания жизни лжепророка Магомеда, сочиненного славным доктором Придо. С английского на российский перевел *Алексей Колмаков*. Ч. 1—2. СПб., изданием Василия Соликова при Императорской Академии наук, 1792. (Приложение имеет отдельный титульный лист; в подзаголовке: На российский язык перевел П[етр] А[ндреев]); Коран Магомета, переведенный с арабского на французский переводчиком Французского посольства в Персии *Казимирским*. С примечаниями и жизнеописанием Магомета. С французского перевел *К. Николаев*. М., 1864; Коран. Законодательная книга мухаммеданского вероучения. Перевод и приложение к переводу *Г. Саблукова*. Казань, [Комиссия Миссионерского противомусульманского сборника при Казанской духовной академии], 1877; *А. Е. Крымский*. Суры старейшего периода, перевод с объяснениями // Лекции по Корану, читанные в 1905 г. (приложения к «Истории мусульманства»). М., 1905; Коран. Перевод и комментарии *И. Ю. Крачковского*. М., 1963; Священный Коран: Арабский текст с русским переводом. Опубликовано под покровитель-

ством Четвертого Халифа Обетованного Мессии и Главы Ахмадийского Движения в Исламе Хазрата Мирзы Тахира Ахмада. Лондон, 1987; *И. Агаев*. Коран как явление культуры. Вступительная статья к переводу и перевод глав Корана И. Агаева. Хазар. Баку, 1989, 1, 170—191; Коран: сказания, предания, притчи (цитаты с комментариями). Автор-составитель *Х. Исмаилов*. М., 1991; Священный Коран: Антология. Islamabad, Islamic international publications, 1991; Куран. Перевод *Ж. М. Истаева* (казахский язык). Алматы-М., 1991; Коран. Перевод смыслов и комментарии *В. Пороховой*. М., 1993; Коран. Перевод с арабского с комментариями *М.-Н. О. Османова*. М., 1995; Коран. Перевод и комментарии *Д. Н. Богуславского*. Публикация *Е. А. Резвана* при участии *А. Н. Вейрауха*. СПб., 1995; Коран: Священная книга мусульман. Перевод с арабского [и предисловие] *Т. А. Шумовского*. М., 1995.

Лит-ра: *Д. Кантемир*. Книга система, или Состояние Мухамеданския религия напечатана повелением Его Величества Петра Великого Императора и Самодержца Всероссийского. СПб., 1722 г.; *М. А. Казем-Бек*. Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги. СПб., 1859; *И. Готвальд*. Опыт арабско-русского словаря на Коран, семь моаллакат и стихотворения Имрулькейса. Казань, 1863; *Г. Саблуков*. Приложение к переводу Корана. Казань, 1879; он же. Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения. Казань, 1884; *Г. Вейль*. Историко-критическое введение в Коран / Перевод с немецкого *Е. Малова*. Казань, 1875; *В. Гиргас*. Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881; *А. Баязитов*. Ислам и прогресс. СПб., 1899; *А. Ф. Шебунин*. Куфический Коран Хедивской библиотеки в Каире // ЗВОРАО. 1901, 14, 119—154; *Н. П. Остроумов*. Коран и прогресс. По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман. Ташкент, 1901; *М. Бигиев* Та'рих ал-Кур'ан вал-масахиф. СПб., 1905; он же. Тафсир ал-Фатиха. Пг., 1915; *Н. Н. Черняев*. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражением Корану». М., 1908; *А. Е. Крымский*. Семь спящих отроков Эфесских: а) *А. Крымский*. Общий историко-литературный очерк сказания; б) *М. Аттая*, *А. Крымский*. Переводы арабских версий VII—XIII вв. М., 1914 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып. 14); *Bigi*. Islam Milletlerinde dini, edebi, ichtima'i, siyasi me'seleler tedbirler haqqında. Brl., [6. г.] (*М. Bigiev*. Islamiyet Elifbasy); *В. Бартольд*. Коран и море // ЗКВ. 1925, 1, 106—110 (Соч. 6, 544—548); *W. Barthold*. Zur Frage über die Berufung Mohammed's // Dr. Modi Memorial volume. Bombay, 1930, 706—708 (К вопросу о призвании Мухаммеда // Соч. 6, 615—616); *К. С. Кашталева*. Терминология Корана в новом освещении // ДАН-В, 1928, 7—12; она же. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // ЗКВ, 1930, 5, 243—270; *В. И. Филленко*. «Подражания Корану» Пушкина. Симферополь, 1928; *И. Н. Винников*. Легенда о призвании Мухаммада в свете этнографии // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей. Л., 1934, 125—146; он же. Коранические заметки: Коран 96:1—2 // Исследования

по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960, 309–312; *И. Ю. Крачковский*. Русский перевод Корана в рукописи XVIII века // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М.-Л., 1934, 219–226 (Избр. соч., 1, 175–181); *он же*. Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков // *Н. Г. Чернышевский*: Труды научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти (1889–1939). Л., 1941, 34–45 (Избр. соч., 1, 213–224); *он же*. Перевод Корана Д. Н. Богуславского // *СВ*, 1945, 3, 293–301; А. К. Борова. Лексика среднеазиатского тefsира XII–XIII вв. М., 1963; *И. П. Петрушевский*. Ислам в Иране в VII–XV вв. М., 1966; *H. Rohling*. Koranausgaben in Rissischen Buchdruck des 18. Jahrhunderts // *Gutenberg Jahrbuch*, Mainz, 1977, 205–210; Учение священного Корана. Составители: Сейид-Реза Боргеи, Мохаммед Бахонар, Бахрам Тегерани (составитель русской части). Тегеран, 1978; С. А. Фомищев. «Подражания Корану»: Генезис, архитектоника и композиция цикла // *Временник Пушкинской комиссии*. 1978. Л., 1981, 41–52; Ислам: Религия, общество, государство. Под общей редакцией П. А. Грязневича и С. М. Прозорова. М., 1984; П. А. Грязневич. Коран в России (изучение, переводы и издания) // Там же, 76–82; М.-Н. Османов. Достоинства русского перевода Корана, выполненного И. Ю. Крачковским // *Памятники истории и литературы Востока*. М., 1986, 3–8; Саид Абул Ала (Маудуди). Тафхим ул-Коран. [Суры: Семейство Имана и Женщины]. Переводчик Шах Махмуд. Пешавар, 1987; *он же*. [Суры Ибрахим, Ал-Хиджр, Пчелы, Перенос ночью]. Пешавар, 1990; М. Б. Пиотровский. Коранические сказания. М., 1991; М. В. М. Ахмад. Введение в священный Коран. Islamabad, 1991; М. Архитов. Таджвид: Облегченные правила. Казань, 1993; Е. А. Резван. Коран и коранистика // *Ислам*. Историографические очерки. Под общей редакцией С. М. Прозорова. М., 1991, 7–84; *он же*. Коран и его толкования // *Хрестоматия по исламу*. Составитель и ответств. редактор С. М. Прозоров. М., 1994, 7–68; *он же*. Пророчество и религиозное вдохновение в исламе (К проблеме научной интерпретации феномена пророческих откровений Мухаммада) // *Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии*. М., 1992, 20–33; *он же*. История Корана и его изучения // *Коран*. Перевод и комментарии Д. Н. Богуславского, 517–542; Т. К. Ибрагим, Н. В. Ефремова. Мусульманская священная история от Адама до Иисуса. М., 1996; В. Д. Ушаков. Фразеология Корана. М., 1996; E. Rezvan. The Qur'an and Its World. SPb.-Helsinki (в печ.); *Ifim Rizfan*. Al-Qur'an al-karim fi Rusiya (в печ.); *Anas Khaliduf*. Al-Kutub al-'arabiyya allati tubi'at fi Rusiya. Dubai (в печ.).

Коллекции рукописей К. в России: Санкт-Петербург. Коллекции рукописей и фрагментов К. начали формироваться в России с начала XIX в. вместе с основанием в Санкт-Петербурге Публичной библиотеки (1795, ныне Российская Национальная библиотека) и Азиатского музея Академии наук (1818 г., ныне СПб. филиал Института востоковедения РАН). За годы активной собирательской деятельности здесь возникли собрания, являющиеся крупнейшими в России и одними из крупнейших в

Европе (228 единиц хранения в РНБ и 181 – в СПбФИБ РАН). Эти рукописи представляют собой образцы книжной продукции 12 веков: с конца VII – начала VIII до конца XIX в., т. е., по существу, всего периода бытования арабской рукописной книги. Географический ареал обширен – от Белоруссии до Нигерии. В целом К. составляют лишь небольшую часть собрания, существенно меньшую доли К. в общем объеме книжной продукции мусульманского мира – в коллекцию Азиатского музея и Публичной библиотеки попадали, как правило, лишь списки в каком-либо отношении примечательные.

История коллекций К. в общих чертах повторяет историю сложения мусульманской части указанных рукописных собраний в целом. К. были в числе первых приобретенных как Депо манускриптов Публичной библиотеки, так и Азиатского музея. Списки К. были и среди последних поступлений, обогативших указанные рукописные коллекции. На протяжении всего XIX в. уникальные и редкие списки и фрагменты К. активно приобретались у частных лиц в Европе и на Востоке, поступали в фонды в качестве дарений, как составная часть военных контрибуций и т. п. Особое значение имело приобретение Публичной библиотекой у наследников французского востоковеда Ж.-Ж. Марселя (1776–1854) большей части собрания арабских рукописей (133 единицы хранения, ныне фонд 921), составленного им во время пребывания в Египте (1798–1801) в составе экспедиции Бонапарта. Основную часть этой коллекции составляют фрагменты куфических К., происходящих главным образом из мечети 'Амра б. ал-'Аса (Каир, построена в 643 г.). Это собрание занимает первое место в Европе и одно из первых мест в мире по количеству рукописей письма *куфи* и арабских пергаментных рукописей. К коллекции Ж.-Ж. Марселя примыкают ранние коранические фрагменты, хранящиеся в СПбФИБ РАН (26 единиц хранения). Каждый из ранних фрагментов по-своему уникален и является исключительно важным источником по раннему периоду бытования К., по истории развития арабского письма, по ранним грамматическим теориям, разночтениям, которые поначалу допускались в К., региональным традициям его передачи и т. п.

В 1869 г. в Публичную библиотеку туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман передал так называемый Коран Османа, или «Самаркандский куфический Коран», принадлежавший мечети Х'аджа Ахрара в Самарканде, несомненно один из наиболее выдающихся экземпляров К. в мире. Ученик В. Р. Розена, А. Ф. Шебуин, подробно проанализировавший и описавший этот список, установил его ближневосточное происхождение (предположительно Ирак) и время создания (II в. х.). Труд А. Ф. Шебуина во многом предвосхитил сформулированные лишь через четверть века идеи Г. Бергштрессера и А. Джефферы о необходимости планового

Фрагмент одной из древнейших сохранившихся рукописей Корана (VIII в. н.э.) с орфографическими правками IX–X вв. Почерк *хиджази*. Коллекция СПбФив РАН, шифр Е-20, л. 19а. Конец 6-й суры (айаты 159–165) – начало 7-й суры (айаты 1–9)

изучения и описания ранних списков К. В 1905 г. в Санкт-Петербурге С. И. Писарев опубликовал факсимиле этой рукописи в виде полноразмерного гигантского фолианта. Сочетание работы А. Ф. Шебунина с публикацией С. И. Писарева предоставило исследователям во всем мире уникальную возможность для углубленного изучения истории фиксации текста К. и арабской палеографии. В 1942 г. А. Джеффри и И. Мендельсон, имевшие в своем распоряжении издание С. И. Писарева, уже на новом научном уровне подробно проанализировали особенности этого списка.

В 1917 г. по распоряжению В. И. Ленина рукопись была передана Краевому мусульманскому съезду, доставлена в Уфу, затем в Ташкент. В 1997 г. список был передан из Музея истории Узбекской ССР мусульманской общине.

Огромной удачей стало приобретение в 1937 г. Институтом востоковедения у наследницы И. Г. Нофалы, выходца из Тарабулуса (Ливан), профессора арабского языка и мусульманского права на Учебном отделении восточных языков МИД, значительного фрагмента (около 40% текста) К., переписанного почерком *хиджази*. Сегодня очевидно, что изучение этой рукописи, сохранившей следы этапов фиксации Священного текста, представляет первостепенный интерес.

Рукописи из петербургских собраний могут послужить интересным источником для изучения локальных традиций каллиграфии и оформления рукописной книги, переплетного дела, истории частных и общественных книжных собраний. Особое значение имеет изучение списков, созданных в мусульманских общинах на территории Российской империи: в Средней Азии, Поволжье, мусульманских районах Кавказа, Крыму, Балтийском регионе. Их изучение позволит получить дополнительный материал, в частности по истории взаимовлияний внутри исламской общины России, характеру контактов российских мусульман с их зарубежными единоверцами. Являясь часто прекрасными произведениями искусства каллиграфии и книжного переплета, списки К. из петербургских собраний отражают разные представления о прекрасном, складывавшиеся на протяжении многих сотен лет у разных людей и народов.

Работе с петербургскими рукописями К. и их описанию значительное время уделяли Х. Д. Френ, В. Р. Розен, И. Ю. Крачковский, В. А. Крачковская, В. И. Беляев, А. Б. Халидов, П. А. Грязневич, М. Б. Пиотровский. Происхождение ряда экземпляров связано с именами П. П. Дубровского, С. С. Уварова, Н. В. Ханькова, Б. А. Дорна, И. Ю. Крачковского, ряда других видных деятелей российской науки.

В России помимо Санкт-Петербурга коллекции К. имеются в Казани, Уфе, Махачкале, Грозном и Москве. Из республик бывшего СССР наиболее интересные коллек-

ции собраны в Узбекистане (Ташкент, Бухара, Самарканд), Азербайджане (Баку), Таджикистане (Душанбе), Туркмении (Ашхабад), Казахстане (Алма-Ата), Армении (Ереван), Грузии (Тбилиси).

База данных по рукописям К. из собраний Санкт-Петербурга готовится в СПбФИБ РАН.

Лит-ра: Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque impériale publique de St.-Petersburg. SPb., 1852; В. В. Вельяминов-Зернов. Описание ящика для Корана (из собрания князя М. А. Оболенского) // Записки ИАН № 268? 1890? 1—8; А. Ф. Шебунин. Куфический Коран Имп. СПб. Публичной библиотеки // ЗВОРАО, 1891, 6, 69—133; Самаркандский куфический Коран, по преданию писанный третьим халифом Османом (644—656). Издано при Санкт-Петербургском Археологическом институте Ф. И. Успенским и С. И. Писаревым. СПб., 1905; И. Ю. Крачковский. Описание собрания Коранов, привезенных из Трапезунда академиком Ф. И. Успенским // ИАН, VI серия, 1917, XI, 346—349; *он же*. Рукопись Корана в Пскове // ДАН-В, 1924, 165—168 (Избр. соч. I, 162—164); *он же*. Куфический Коран и «бабушка араба» // Над арабскими рукописями. М.-Л., 1949 (Избр. соч., I, 115—118); A. Jeffery and I. Mendelson. The Orthography of the Samarqand Qur'an Codex // JAOS, 3, 1942, 175—194; В. А. Крачковская. Редкая рукопись Корана XVI века // Краткие сообщения Института народов Азии (арабские страны), 47. М., 1961, 38—42; А. К. Антонович. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968; Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР. Краткий каталог. Под редакцией А. Б. Халидова. 1—2. Сост. С. М. Бациева, А. С. Боголюбов, К. А. Бойко, О. Г. Большаков, П. А. Грязневич, А. И. Михайлова, Л. И. Николаева, С. Б. Певзнер, М. Б. Пиотровский, А. Б. Халидов, Т. А. Шумовский. М., 1986; В. П. Демидчик. Памятники белорусской литературы, писанные арабским письмом, и легенда о ночном вознесении Мухаммада // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского. М., 1987, 238—253; В. В. Лебедев, О. В. Васильева. Восточные рукописные фонды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Archaeographia orientalis. Материалы рабочего совещания по проблемам восточной археологии. Ленинград, 1—4 марта 1988 г. М., 1990, 93—119; Вал. В. Полосин. Фонды рукописей и старопечатных книг, актовых и эпиграфических материалов на языках народов советского и зарубежного Востока в СССР // Там же, 178—204; E. A. Rezvan. The First Qur'ans / Pages of Perfection. Islamic Paintings and Calligraphy from the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Milano, 1995, 108—117 (имеются также французское, немецкое и итальянское издания); *он же*. Qur'ans Made on Commission / Там же, 301—313; *он же*. The Qur'an manuscripts from European Russia in St.-Petersburg collections // Manuscripta Orientalia, 1998 (в печ.); *он же*. Fihris makhtutat al-Qur'an al-karim fi Sankt-Pitersburg (в печ.); *он же*. Hijazi Qur'an manuscript from St.-Petersburg Academic collection // Treasures from St.-Petersburg Academic Collection of Oriental Manuscripts (Asiatic Museum CD-ROM series) (в печ.); О. Б. Фролова, Т. П. Дерягина. Арабские рукописи восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. Краткий каталог. СПб., 1996.

Е. Р.